

Ромашина Ольга Юрьевна

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КОННОТАЦИЯ КАК ОСОБЫЙ ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматривается проблема определения и структурного содержания эмоциональной коннотации как особого вида деятельности языкового сознания, представляющего собой ментальный конструкт, состоящий из набора облигаторных и необлигаторных компонентов, способных актуализироваться в конкретной ситуации и обеспечивать формирование того или иного конкретного значения эмоциональных языковых единиц.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/6/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (17). С. 145-150. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

4. **Longman Dictionary of Contemporary English (LDCE)** / ed. by Ch. Fox, E. Manning. Harlow: Longman, 2003. 1949 p.
5. **Murphy G. L.** The Big Book of Concepts. Cambridge: The MIT Press, 2004. 555 p.
6. **Newbury House Dictionary of American English (NHDAE)** [Электронный ресурс]. URL: <http://nhd.heinle.com> (дата обращения: 17.08.2007).
7. **Onions C. T.** The Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford: The Clarendon Press, 1976. 1025 p.
8. **Oran's Dictionary of the Law (ODL)**. N. Y.: West Legal Studies; Thomson Learning, 2000. 580 p.
9. **Rosch E.** Structural Bases of Typicality Effects // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 1976. № 2. P. 491-502.
10. **The New American Webster Handy College Dictionary (NAWHCD)** / ed. by A. Morehead. N. Y.: Signet Classic, 2006. 843 p.

MEANS OF EXPRESSING RELIGIOUS COMPONENT OF MORAL-ETHICAL CONSTITUENT OF DEVIATION CATEGORY IN ENGLISH (PART I)

Aleksandr Sergeevich Ptashkin, Ph. D. in Philology
Department of Foreign Languages
Energy Institute
Tomsk Polytechnic University
pt.alexandr@gmail.com

The author describes the language means of expressing the moral-ethical constituent of deviation category in the English language in the light of religious approach, and considers deviation category, expressed by the words of broad semantics with the root "devia-". The concretization of the above mentioned words meanings takes place by means of the analysis of their contextual correlations with language units, which represent the concept "sin", included in deviation sphere.

Key words and phrases: category; mega-concept; deviation; religious approach; moral-ethical constituent; segment; semantics; sin.

УДК 81'37+811.111

Филологические науки

В статье рассматривается проблема определения и структурного содержания эмоциональной коннотации как особого вида деятельности языкового сознания, представляющего собой ментальный конструкт, состоящий из набора облигаторных и необлигаторных компонентов, способных актуализироваться в конкретной ситуации и обеспечивать формирование того или иного конкретного значения эмоциональных языковых единиц.

Ключевые слова и фразы: эмоциональная коннотация; ментальный конструкт; эмоционально-чувственный конструкт; языковое сознание; эмоциональность; образность.

Ольга Юрьевна Ромашина, к. филол. н., доцент

Кафедра английского языка и методики преподавания

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

romashina@bsu.edu.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КОННОТАЦИЯ КАК ОСОБЫЙ ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ[©]

В последнее время все большее внимание лингвистов уделяется изучению проблемы отражения «эмоционального» в языке. Появилось достаточное количество работ, изучающих как проблему объективации эмоциональных феноменов, так и вопросы эмоциональной окраски значений слов. В Волгограде под руководством В. И. Шаховского сформировалась и успешно функционирует школа лингвистики эмоций, декларирующая появление новой лингвистической дисциплины – эмотиологии. Исследования, проводимые в русле данной новой научной парадигмы, безусловно, предоставляют богатейший эмпирический материал, подтверждающий выводы эмотиологов о сути эмоционального значения, о соотношении эмоциональности и эмотивности, об универсальности эмоциональных концептов и специфических средств их объективации во многих языковых системах.

Однако среди колоссального количества исследований семантики эмотивных языковых единиц недостаточное освещение, на наш взгляд, получила проблема определения и описания структуры эмоциональной коннотации. По справедливому утверждению В. Н. Телия, «ни в одном из известных нам исследований, как у нас, так и за рубежом, эмотивная коннотация не исследована в когнитивном аспекте. Более того, она даже не выделена как особый вид деятельности языкового сознания» [10, с. 122-123].

Отсюда проблема изучения эмоциональной коннотации как особого вида деятельности языкового сознания с когнитивной точки зрения представляется актуальной и освещает достаточное количество нерешенных задач. Некоторые из них мы и попытаемся рассмотреть в настоящей статье.

[©] Ромашина О. Ю., 2012

В данном аспекте целью настоящей статьи является описание структуры эмоциональной коннотации на основе анализа эмотивной лексики современного английского языка.

Объектом исследования служат эмоционально окрашенные языковые единицы, отобранные методом сплошной выборки из авторитетных толковых словарей и произведений англо-американской художественной литературы XX-XXI вв.

Одним из открытых вопросов является определение эмоциональной коннотации, до сих пор не получившее однозначной трактовки из-за сложности понятия «эмоциональное» и его классического противопоставления с понятием «рациональное». Несмотря на все более утверждающийся постулат о связи между субъективным и объективным познанием мира, во многих лингвистических, психологических и философских исследованиях по-прежнему прослеживается дихотомия рационального (относящегося к мышлению) и эмоционального (субъективного, имеющего отношение к эмоционально-чувственной сфере). В настоящей работе мы поддерживаем точку зрения ученых, полагающих, что между когнитивной деятельностью языкового сознания человека и его субъективным эмоциональным видением и отражением мира существует определенная взаимосвязь.

Под языковым сознанием в данной статье понимается процесс формирования, хранения и обработки языковых единиц (их форм и значений) в обыденном сознании человека, а также его определенного отношения к данным единицам и их оценке (рациональной и эмоциональной в совокупности). Более того, языковое сознание ««раскрывает» субъекту языковую картину мира, в которую включен сам субъект» [13, с. 214]. Сама же языковая картина мира определяется нами как совокупность знаний об объектах окружающей действительности и их чувственном и эмоциональном отражении в сознании и языке.

Действительно, языковые структуры, объективирующие данную картину мира, нельзя изучать без опоры на когнитивную составляющую их семантики. Так, по мнению Н. А. Кобриной, неизбежно расширение лингвистического объекта исследования, так как за отклонениями от канонизированной системы «безусловно, стоит человек, со всеми атрибутами его деятельности и условиями существования, с его ментальной активностью и способностью субъективного видения, восприятия и оценки реального мира, с его способностью обобщать и концептуализировать факты, тем самым, создавая новый источник референтности, мыслительной референтности» [7, с. 23].

Объектом подобной концептуализации могут выступать не только рациональные, объективные факты, лежащие в основе когнитивного опыта человека, опыта познания и отражения им окружающей действительности, но и факты познания самого себя, своего эмоционального восприятия мира. Кроме того, по мнению В. И. Шаховского, с помощью эмоций «человек получает специфический видовой опыт, который закрепляется в сознании, мышлении и языке, вербально обозначающем объекты мира, явления, ситуации и их эмоциональные оценки» [18, с. 46].

Отсюда мы полагаем, что языковые единицы, помимо собственно денотативных и коннотативных (образных, оценочных, стилистических) компонентов значения, обладают *эмоциональной коннотацией*, под которой в настоящей статье понимается особый вид деятельности языкового сознания, связанный с объективацией чувств и эмоций человека на языковом уровне.

В данном понимании определение эмоциональной коннотации близко определению, предложенному В. Н. Телия, понимающей под эмотивной коннотацией такое «состояние души, при котором эмоциональное отношение говорящего / слушающего к объекту из мира «Действительное» представлено «через его образное подобие в виде образной гештальт-структуры» [10, с. 122].

Подобные гештальт-структуры в когнитивно-лингвистических исследованиях имеют различную типологизацию и, в зависимости от степени обобщения и структурного содержания, именуется фреймами, концептами, сценариями и т.д. В настоящем исследовании мы предлагаем обобщающий, типизированный термин «эмоционально-чувственный конструкт» для обозначения всех экстралингвистических сущностей, который, в свою очередь, понимаем как абстрактную информационную структуру сознания, продукт человеческой ментальной и эмоционально-чувственной сферы, недоступный непосредственному наблюдению, но способный объективироваться на языковом уровне в значении эмотивных языковых единиц.

Разница между понятиями «эмотивный» и «эмоциональный», по мнению В. И. Шаховского, заложена в отнесении эмотивных явлений к характерным языковым единицам, а эмоциональных – к психологическим процессам и феноменам: «В процессе языкового опосредования эмоциональность как психологическое явление трансформируется в эмотивность, то есть уже языковое явление» [17, с. 28].

Несмотря на видимую четкость данного определения, во многих работах термины «эмотивный» и «эмоциональный» смешиваются, происходит небольшая путаница между языковыми и внеязыковыми явлениями, подобная микшированию терминов «понятие» и «концепт», «языковой знак» и «когниция». По-прежнему актуальным и справедливым выступает утверждение Ч. Стивенсона о том, что «...термин “эмотивный” нередко используется очень недифференцировано, так что в конце концов становится своего рода ярлыком на мусорной корзине, куда сваливаются всевозможные аспекты языкового употребления, нежелательные в языке науки или не имеющие к нему отношения» [9, с. 150].

В нашем исследовании мы трактуем понятие «эмоциональный» несколько шире, чем в изложенной выше концепции. С нашей точки зрения, между пониманием эмоциональности и эмотивности в лингвистике разница существует лишь в том, что атрибут «эмоциональный» может применяться как к экстралингвистическим, психологическим, так и к лингвистическим сущностям (особенно к семантическим их составляющим), а «эмотивный» лишь применительно к языковым феноменам, непосредственно к единицам языка.

При таком подходе абсолютными синонимами выступают, например, понятия «эмоциональная лексика» и «эмотивная лексика», то есть лексика, обладающая эмоциональным потенциалом. Однако утверждения,

типа «эмотивное состояние человека», «эмотивный концепт» представляются алогичными. Что касается коннотации, то поскольку она трактуется нами как «особый вид деятельности языкового сознания», то ввиду вышесказанного, более справедливо использование термина «эмоциональная коннотация», как феномена не сугубо лингвистического.

Являясь частью языкового сознания, эмоциональная коннотация представляет собой ментальный конструкт, состоящий из набора определенных признаков (компонентов), способных актуализироваться в той или иной конкретной ситуации. Данные компоненты эмоциональной коннотации выявляются в ходе изучения как определенной коннотации в целом, так и при рассмотрении эмоционально-чувственных конструктов в частности.

Большое количество научных изысканий, занимающихся сегодня проблемами коннотации, освещает четыре основных компонента, лежащих в ее основе: эмоциональный, оценочный, экспрессивный, стилистический. Однако набор, номинация, экспансия данных коннотативных признаков (компонентов) зависит напрямую от тех акцентов, которые исследователи расставляют с учетом эмоциональной выразительности лексемы, ее экспрессивности, оценочности, образности, принадлежности определенному функциональному стилю.

Так, В. К. Харченко относит к основным коннотативным признакам оценочность, экспрессию, эмоциональность и образность [15, с. 38]. Н. Ф. Алефиренко в качестве основного компонента коннотации выделяет экспрессивность, подчеркивая, что коннотация всегда связана с экспрессивной окраской номинативных единиц языка [1, с. 161]. Л. А. Грузберг справедливо утверждает «теснейшую связь» между понятиями образности, мотивированности, оценочности, экспрессивности, эмоциональной окраски [5]. По мнению В. Н. Телия, коннотация наряду с оценкой включает в себя «образно-ассоциативный комплекс, переходящий во внутреннюю форму, эмотивную модальность и стилистическую маркированность» [10, с. 148], следовательно, ее основными компонентами выступают образно-ассоциативный, эмотивный и стилистический.

Перечисляемые учеными компоненты коннотации до сих пор не находят однозначного определения как в их количественном, так и в качественном составе. Обусловлено это, на наш взгляд, тем, что в коннотативном значении слова происходит постоянная актуализация то одних, то других признаков в зависимости от контекстного и речевого употребления. При этом некоторые признаки могут интегрироваться, уходить на задний план, становиться трудно различимыми.

Изучая проблемы объективации эмоционально-чувственных конструктов в современном английском языке, мы пришли к выводу о том, что в самих понятиях «эмоция» и «чувство» уже заложены и экспрессивность, и интенсивность, и оценочность. Другими словами, эмоциональная лексика всегда выразительна (экспрессивна), интенсивна и оценочна, но не всегда образна: *terrible, pretty, Wow!, abominable (slander)* и т.д. В свою очередь, образная лексика не всегда эмоциональна и, как показывают следующие примеры, не всегда выразительна, интенсивна и оценочна: *gatekeeper, mouse, bit-basket* – в компьютерном лексиконе; *to fly* – о полете на авиасредствах и т.д. На наш взгляд, подобная лексика не обладает эмоциональной коннотацией, в которой непременно должны найти отражение два основных компонента: эмоциональность и образность. Интересно, но практически любая единица языка может в разных ситуативных употреблениях как обладать, так и не обладать эмоционально-коннотативным значением. Так, уже упоминаемая нами единица *to fly* может иметь денотативное значение, отражая информацию, например, о полете птицы; может быть образной, но не эмоциональной в ситуации: «*He is flying from New-York to London*»; может обладать эмоциональной коннотацией в значении «шпион, соглядатай»: «*He is a fly*».

Отсюда наша модель структуры коннотации предполагает превалирование двух основных ее макрокомпонентов: эмоциональности и образности. В свою очередь, последние могут содержать в своей структуре разное количество облигаторных и необлигаторных микрокомпонентов, зависящих от семантического наполнения каждой конкретной лексемы, а также от процесса актуализации данных компонентов в структуре лексического значения в конкретной речевой ситуации. Облигаторные микрокомпоненты содержат общую информацию, истинную для всех ситуаций использования эмоциональных и образных лексем. Необлигаторные компоненты отражают специфическую информацию, характерную только для данной конкретной лексемы в ее употреблении в данной конкретной ситуации. Более того, оба макрокомпонента могут выступать в качестве необлигаторных компонентов в структуре друг друга, что еще раз доказывает тесную связь эмоциональности и образности, а также возможность микширования их признаков.

Рассмотрим подробнее соотношение данных компонентов в структуре эмоциональной коннотации, представленной в Таблице 1.

Таблица 1.

Структура эмоциональной коннотации

Макрокомпоненты Микрокомпоненты	Эмоциональность		Образность	
	облигаторные	необлигаторные	облигаторные	необлигаторные
экспрессивность		образность (со всеми ее облигаторными и необлигаторными компонентами)	наглядность	эмоциональность (со всеми ее облигаторными и необлигаторными компонентами)
интенсивность		(не)контролируемость	ассоциативность	символичность
оценочность		(не)осознанность	стилистическая окраска	мотивированность

Под **эмоциональностью** в настоящей статье понимается способность знака объективировать эмоции и чувства человека на языковом уровне. К эмоциональной лексике относятся единицы, способные объективировать любые эмоциональные состояния в своих значениях: *disgusting* (отвращение), *Wow!* (удивление), *admirable* (восхищение) и т.д.

Экспрессивность в нашей работе выступает полным синонимом термину «выразительность» на основании этимологического значения данного слова, произошедшего от латинского *expressio* (выражение), и понимается нами как способность языкового знака выражать определенные эмоционально-чувственные конструкты, формируя определенную степень чувственного восприятия реципиента: *to pig out*, *gorge*, *guzzle*, *gobble* (вместо нейтрального *to eat*); *to thunder*, *roar*, *bawl*, *yell* (вместо нейтрального *to cry / shout*).

В таком понимании содержание микрокомпонента экспрессивности близко к содержанию микрокомпонента **интенсивности**, который, с нашей точки зрения, представляет степень усиления, выделения, акцентирования эмоций и чувств в значении языкового знака и тем самым актуализирует количественную характеристику экспрессивности: *awful*, *awesome*, *gorgeous* и т.д. Интенсивность коннотативного значения лексических единиц хорошо прослеживается в синонимических рядах: *good – nice – wonderful – splendid – magnificent – gorgeous – awesome*; *to cry – to weep – to sob – to burst into tears / sobs* и т.д.

Микрокомпонент **оценочность** представляет способность слова выражать субъективную положительную или отрицательную оценку субъектом окружающей действительности, зафиксированную в таких словах как: *wonderful*, *splendid*, *darling*, *birdy* (положительная оценочность); *terrible*, *disgusting*, *awful*, *twaddler*, *windbag*, *bastard* (отрицательная оценочность).

Присутствие данного компонента в структуре эмоциональной коннотации вызывает большое количество споров в лингвистической среде. Так, А. В. Филиппов полагает, что «оценочность – определенная сторона денотации, а не коннотации», так как оценка – это «суждение, нечто интеллектуальное» [11, с. 60]. В одной из работ В. И. Шаховского мы находим подобное положение о том, что «оценочный и экспрессивный компоненты не являются коннотативными, они – компоненты логико-предметного значения» [16, с. 68]. Однако, понимая эмоциональную коннотацию как структуру деятельности языкового сознания, отражающую субъективное отношение говорящего к действительности, а оценочность как часть такого отношения, мы приходим к логическому пониманию оценочности как микрокомпонента структуры коннотации, входящего в макрокомпонент «эмоциональность» и являющегося неотъемлемым ее признаком. Подтверждение этому мы находим в работах В. Н. Телия, полагающей, что в основании оценки лежит эмоция, а точнее, чувство, которое «может войти в содержание оценочной рамки, если оцениваемое – само чувство или предмет желания, удовольствия и т.д.» [10, с. 110].

На наш взгляд, подобное расхождение мнений обусловлено дихотомией рациональной и эмоциональной оценки. Утверждение о том, что способность слова отражать отношение «хорошо» – «плохо» является рациональным и имеет отношение к денотативному компоненту значения, представляется достаточно спорным, так как уже в такой оценке выражается личное, субъективное, эмоциональное отношение говорящего к определению ценности любого объекта действительности. Например, в высказывании «*The lesson is good*» уже прослеживается эмоция одобрения и положительного эмоционального отношения говорящего к предмету, следовательно, оно приобретает оттенок эмоционального высказывания. А вот в предложении «*The table is round*» предикатив обладает рациональной оценкой и иллюстрирует денотативный компонент значения, хотя объект был оценен с точки зрения определения его формы.

К необлигаторным компонентам эмоциональности мы относим также признаки, свойственные эмоциональным состояниям, такие как **(не)контролируемость** и **(не)осознанность**, отражающие способность субъекта осуществлять оценочно-рефлекторную деятельность. Действительно, любое проявление эмоций влечет за собой переживания и их звуковые выражения, которые осознаются либо не осознаются человеком [6, с. 150-151]. Анализ эмоциональной лексики современного английского языка показывает, что экспликация одних эмоций в языке скорее менее осознана по сравнению с другими, чем неосознана вообще. Отсюда к неосознанным эмоциям, представленным в эмоциональной коннотации, можно отнести те, латентный период которых составляет минимально короткий промежуток времени, в который субъект не может контролировать ситуацию эмоционального проявления. Так, неосознанные, неконтролируемые эмоции прослеживаются в семантике лексем *to blush*, *to become red-hot*, *to break out* (в значении «разразиться бранью»), *to burst out* («взорваться от злости»). Осознанность и контролируемость проявления эмоциональных состояний находит подтверждение в коллокациях эмотивных лексем с маркерами *consciously*, *deliberately*, *intentionally*, а также в совместном употреблении с модальными и волитивными глаголами, свидетельствующими о намеренности, контролируемости и осознанности эмоциональных процессов: «*She was his conscious passion, however, he wanted to break off with it, but he couldn't*» (Merrit).

Список необлигаторных компонентов эмоциональности может быть, несомненно, продолжен, если включить сюда дополнительные фоновые знания об эмоциональных состояниях человека. Более того, при языковой объективации лексем в различных ситуативных контекстах происходит переплетение данных компонентов, появляются новые, нефиксированные ранее, и напротив, уходят на задний план уже имеющиеся признаки. Все это свидетельствует о сложности и гибкости структуры эмоциональной коннотации, о ее синергетической нелинейной сущности.

Образность рассматривается нами как макрокомпонент эмоциональной коннотации, отражающий способность слова объективировать конкретно-чувственный образ предмета (явления, действия), имеющийся в сознании языковой личности и создающийся на основе определенных ассоциаций, символов и мотивов. Данный образ базируется на зрительных (*yellow* – трусливый), слуховых (*loud* – о человеке), тактильных

(*a cold person, warm heart*), вкусовых (*sweetly* – о человеке), обонятельных (*stinky* – о человеке) сенсорных представлениях языковой личности об объекте.

Большинство исследователей акцентирует в структуре образности лишь зрительные представления. Данный акцент достаточно обоснован и оправдан большим количеством языковых объективаций зрительных ощущений. Образна и справедлива в этом отношении цитата В. К. Харченко об асимметрии языковых единиц, объективирующих сенсорные феномены: «Нас все время “подставляет”... зрение. Из пяти органов чувств оно “всегда” явный лидер, оно присутствует “везде”. Когда мы описывали вкус, или осязание, или слух, или обоняние в их языковых и речевых презентациях, наш пиетет к видимому приходилось (условно, конечно!) выносить за скобки» [14, с. 7].

Мы действительно относим **наглядность** к облигаторным компонентам образности именно вследствие превалирования зрительных чувственных ассоциаций над другими, понимая под наглядностью соотносением слова с определенным предметным (в нашем случае зрительным) представлением о предмете: *swine* – о человеке; *pot* – о голове и т.д.

Однако в нашем исследовании к образным языковым единицам мы также относим слова и выражения, объективирующие звуковые (*to thunder, to roar*); тактильные (*cool, hot dress, to boil* (о человеке)); вкусовые (*bitter irony, sugarpie, honey*); обонятельные (*stinker, skunk*) чувственные образы. Отсюда вытекает более широкое понимание **образности** как компонента эмоциональной коннотации, актуализирующего не только зрительные и слуховые ассоциации, но и все возможные чувственные ассоциации, лежащие в основе значения слова и соотносящие его с конкретным предметом, явлением, действием.

Ассоциативность языкового знака, иллюстрирующая его способность обозначать предмет (явление, действие) в ассоциативной связи с другими предметами, выступает облигаторным компонентом образности и является определенной основой, ее базовым уровнем. Вслед за И. И. Бабенко мы полагаем, что ассоциативность выступает одним из важнейших свойств слова и представляет собой «потенциальную и универсальную способность единиц лексического уровня вызывать в сознании носителей языка ассоциации с системой языка, миром понятий и явлениями окружающей действительности» [2, с. 26]. В свою очередь, термин «ассоциация» имеет традиционную трактовку, отражающую понимание данного феномена как определенного вида связи между элементами психики, «благодаря которой появление одного элемента в определенных условиях вызывает другой, с ним связанный» [12].

Так, появление в определенном контексте образного элемента *banana*, например, в предложении, объективирующем негативное выражение говорящего к человеку-перебежчику, «флюгеру» (русский аналог также имеет ассоциативную природу): «*He was a real banana*», вызывает определенные ассоциации с признаками данного плода: снаружи желтый – внутри белый, снаружи твердый – внутри мягкий, несладкий – сладкий и т.д. Подобно образности, признак ассоциативности не фокусируется только на изобразительных ассоциациях и вызывает все имеющиеся у человека сенсорные ассоциации: зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, обонятельные.

Ассоциации носят символический характер, связывающий имеющиеся у человека представления с закрепленностью их в языковом сознании за отдельными символами. **Символичность** понимается нами как «сема образного значения, соотносящаяся с признаком, основанием сопоставления обозначаемого с уподобляемым» [3, с. 8]. Символичность лежит в основе аллюзий, метонимий, метафор, перифразов, соотносящих номинируемый объект с известной системой знаковой закрепленности. Так, например, универсальные цвета светофора становятся эмоционально коннотативными в предложениях типа: «*Don't touch her, Sam, she is red for you*» (Steel).

Если символичность присуща не многим эмоционально-окрашенным лексемам, то, напротив, все слова, обладающие эмоциональной коннотацией, всегда стилистически отмечены, то есть принадлежат одному из функциональных стилей, той или иной сфере своего контекстного употребления. В рамках настоящей статьи мы не ставим целью описать всю сферу стилевой разновидности эмоционально-коннотативных лексем: это цель отдельных широкоформатных исследований. Приведем лишь несколько примеров лексем, обладающих ярко выраженной **стилистической окраской**, для констатации данного признака в структуре эмоциональной коннотации. К стилистически нейтральным эмотивным лексемам относятся, например, оценочные экспрессивы *wonderful, awful* и т.д. Стилистически заниженные их варианты можно проиллюстрировать, соответственно, на примерах коллоквиализмов *cool, lousy*, а также в семантике сленгизмов и вульгаризмов *wailing, soil oneself from fear (bloody)*. Завышенный стиль прослеживается в семантике соответствующих эмотивов *unbelievable, flagrant (atrocious)*.

Мотивированность мы относим к необлигаторному компоненту образности, иллюстрирующему «ассоциативно-образную связь с обозначаемым того словозначения», которое используется в качестве нового [10, с. 111]. При этом мы разделяем мнение Л. А. Грузберг о том, что образность бывает мотивированной и немотивированной [5]. Примерами мотивированной образности могут служить экспрессивы *to bark, to roar, to mew*, используемые в эмоциональном описании голоса человека, манере его произносить слова так, как производят звуки имплицитируемые за данными действиями животные. К иллюстрациям немотивированной образности можно отнести индивидуально образные, авторские метафоры и другие тропы, ряд неологизмов, обладающих определенной символичностью: *borogoves, whiffling, frabious, frumious* (Carrol).

Подобное понимание нелинейной структуры эмоциональной коннотации совпадает с пониманием коннотации в целом как многоуровневой синтезирующей суперструктуры, в которой расположение компонентов изменяется в зависимости от доминирующего компонента: эмотивного, экспрессивного, оценочного [8, с. 223]. Такой синтезирующий структурный подход позволяет создать классификацию языковых единиц по номинации доминирующего компонента (эмотивная лексика, экспрессивная лексика, оценочная лексика), хотя

А. Н. Вставский отмечает условность подобной классификации, поскольку «объем и границы этих групп в силу взаимосвязанности элементов коннотации весьма подвижны» [4].

В настоящем исследовании при определении структуры эмоциональной коннотации данная подвижность и гибкость границ между ее компонентами представляется наиболее очевидной. Действительно, в эмоциональной коннотации трудно определить превалирующий признак. Все компоненты в равной степени могут становиться доминирующими при актуализации той или иной характеристики объективируемых эмоционально-чувственных конструкторов, будь-то эмоциональность, оценочность, интенсивность, экспрессивность или образность. Так, образность, например, является и макрокомпонентом структуры эмоциональной коннотации в целом, и необлигаторным микрокомпонентом эмоциональности в частности. В свою очередь, эмоциональность, представляя облигаторный компонент эмоциональной коннотации, выступает необлигаторным компонентом образности.

Резюмируя вышеизложенное, мы приходим к следующим выводам. Эмоциональная коннотация представляет собой особый вид деятельности языкового сознания, который связан с объективацией чувств и эмоций человека на языковом уровне. Эмоциональное отношение языковой личности к объектам окружающей картины мира представлено в сознании в виде определенных когнитивных структур – эмоционально-чувственных конструкторов, абстрактных информационных продуктов человеческой ментальной и эмоционально-чувственной сферы, способных объективироваться на языковом уровне. Эмоционально-чувственные конструкторы обладают рядом признаков, формирующих динамичную структуру эмоциональной коннотации, которую, в свою очередь, можно рассматривать как ментальный конструктор, состоящий из набора облигаторных и необлигаторных компонентов, способных актуализироваться в конкретной ситуации и обеспечивать формирование того или иного конкретного значения эмоциональных языковых единиц.

Список литературы

1. **Алефиренко Н. Ф.** Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. **Бабенко И. И.** Об ассоциативности как универсальном коммуникативном свойстве слова // Вестник ТГПУ. 2004. Вып. 1 (38). С. 25-28.
3. **Блинова О. И.** Введение // Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О. И. Блиновой. Томск: Изд-во НТЛ, 1997. С. 4-17.
4. **Вставский А. Н.** Коннотативный компонент: проблемы интерпретации [Электронный ресурс] // Вестник Омского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. Вып. 2006. URL: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-29.pdf> (дата обращения: 18.09.2012).
5. **Грузберг Л. А.** Образность категория лингвистическая? [Электронный ресурс] // Филологический научно-методический культурно-просветительский журнал Пермского государственного педагогического университета. 2005. Вып. 6. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_6_140#top (дата обращения: 19.09.2012).
6. **Изард К. Э.** Психология эмоций. СПб.: Питер, 2002. 464 с.
7. **Кобринна Н. А.** Язык как когнитивно-креативная деятельность человека // *Studia Linguistica* – 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка: сб. статей. СПб., 2000. С. 23-29.
8. **Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б.** Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). М.: Флинта; Наука, 2002. 264 с.
9. **Стивенсон Ч.** Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. С. 129-154.
10. **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
11. **Филиппов А. В.** К проблеме лексической коннотации // Вопросы языкознания. 1978. № 1. С. 57-63.
12. **Философский словарь** [Электронный ресурс] / под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд.-е. М.: Политиздат, 1981. URL: <http://filosof.historic.ru/enc/item/f00/s00/a000086.shtml> (дата обращения: 28.09.2012).
13. **Фомин А. Г.** Языковое сознание как имманентно присущий признак гендерной языковой личности // Ползуновский вестник. 2003. № 3-4. С. 211-214.
14. **Харченко В. К.** Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 216 с.
15. **Харченко В. К.** Экспрессивность, эмоциональность, оценочность и образность как категории лингвостилистики // Стили языка и стили речи как явление функционально-речевой дифференциации: сб. статей. Орджоникидзе, 1983. С. 38-40.
16. **Шаховский В. И.** Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.
17. **Шаховский В. И.** Лингвистическая теория эмоций. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2008. 418 с.
18. **Шаховский В. И.** Эмоции. Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 128 с.

EMOTIONAL CONNOTATION AS SPECIAL KIND OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS ACTIVITY

OI'ga Yur'evna Romashina, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of English Language and Teaching Technique
Belgorod State National Research University
romashina@bsu.edu.ru

The author considers the problem of the determination and structural content of emotional connotation as a special kind of language consciousness activity, which is a mental construct consisting of the set of obligatory and non-obligatory components able to actualize themselves in a particular situation and to ensure the creation of the particular meaning of emotional linguistic units.

Key words and phrases: emotional connotation; mental construct; emotional-sensual construct; language consciousness; emotionality; figurativeness.